

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ 2024–2025 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС.

БЛАНК ЗАДАНИЙ

Время выполнения – 210 минут. Максимальное кол-во баллов – 100.

ЗАДАНИЕ 1 (аналитическое).
Максимальное количество баллов – 60.

Прочитайте рассказ советского писателя Василия Аксёнова и проанализируйте его. Какие проблемы и вопросы раскрываются в этом тексте и какие средства использует для этого автор? В чём заключается специфика данного рассказа с точки зрения хронотопа (пространственно-временной организации текста)? Почему он назван именно так? Данные вопросы являются лишь стартовой точкой к размышлению и не предполагают ответов исключительно на них – Вы вольны построить анализ текста так, как считаете нужным.

Победа

Рассказ с преувеличениями

В купе скорого поезда гроссмейстер играл в шахматы со случайным спутником.

Этот человек сразу узнал гроссмейстера, когда тот вошел в купе, сразу загорелся невысказанным желанием невысказанной победы над гроссмейстером. "Мало ли что, – думал он, бросая на гроссмейстера лукавые узнающие взгляды, – мало ли что, подумаешь, хиляк какой-то".

Гроссмейстер сразу понял, что его узнали, и с тоской смирился: двух партий по крайней мере не избежать. Он тоже сразу узнал тип этого человека. Порой из окон Шахматного клуба на Гоголевском бульваре он видел розовые крутые лбы таких людей.

Когда поезд тронулся, спутник гроссмейстера с наивной хитростью потянулся и равнодушно спросил:

- В шахматишки, что ли, сыграем, товарищ?
- Да, пожалуй, – пробормотал гроссмейстер.

Спутник высунулся из купе, кликнул проводницу, появились шахматы, он схватил их слишком поспешно для своего равнодушия, высыпал, взял две пешки, зажал их в кулаки и кулаки показал гроссмейстеру. На выпуклости между большим и указательным пальцами левого кулака татуировкой было обозначено «Г.О.».

- Левая, – сказал гроссмейстер и чуть поморщился, вообразив удары этих кулаков, левого или правого.

Ему достались белые.

- Время-то надо убить, правда? В дороге шахматы – милое дело, – добродушно приговаривал Г.О., расставляя фигуры.

Они быстро разыграли северный гамбит, потом все запуталось. Гроссмейстер внимательно глядел на доску, делая мелкие, незначительные ходы. Несколько раз перед его глазами молниями возникали возможные матовые трассы ферзя, но он гасил эти вспышки, чуть опуская веки и подчиняясь слабо гудящей внутри занудливой жалостливой ноте, похожей на жужжание комара.

- "Хас-Булат удалой, бедна сакля твоя..." – на той же ноте тянул Г.О.

Гроссмейстер был воплощенная аккуратность, воплощенная строгость одежды и манер, столь свойственная людям, неуверенным в себе и легко ранимым. Он был молод, одет в серый костюм, светлую рубашку и простой галстук. Никто, кроме самого гроссмейстера, не знал, что его простые галстуки помечены фирменным знаком "Дом Диора". Эта маленькая тайна всегда как-то согревала и утешала молодого и молчаливого гроссмейстера. Очки также довольно часто выручали его, скрывая от посторонних неуверенность и робость взгляда. Он сетовал на свои губы, которым свойственно было растягиваться в жалкой улыбочке или вздрагивать. Он охотно закрыл бы от посторонних глаз свои губы, но это, к сожалению, пока не было принято в обществе.

Игра Г.О. поражала и огорчала гроссмейстера. На левом фланге фигуры столпились таким образом, что образовался клубок шарлатанских кабалистических знаков, было похоже на настройку халтурного духового оркестра, желто-серый слежавшийся снег, глухие заборы, цементный завод. Весь левый фланг пропах уборной и хлоркой, кислым запахом казармы, мокрыми тряпками на кухне, а также тянуло из раннего детства касторкой и поносом.

- Ведь вы гроссмейстер такой-то? – спросил Г.О.

- Да, – подтвердил гроссмейстер.

- Ха-ха-ха, какое совпадение! – воскликнул Г.О.

"Какое совпадение? О каком совпадении он говорит? Это что-то немыслимое! Могло ли такое случиться? Я отказываюсь, примите мой отказ," – панически быстро подумал гроссмейстер, потом догадался, в чем дело, и улыбнулся.

- Да, конечно, конечно.

- Вот вы гроссмейстер, а я вам ставлю вилку на ферзя и ладью, – сказал Г.О. Он поднял руку. Конь-provokator повис над доской. "Вилка в зад, – подумал гроссмейстер. – Вот так вилочка! У дедушки была своя вилка, он никому не разрешал ею пользоваться. Собственность. Личные вилка, ложка и нож, личные тарелки и пузырек для мокроты. Также вспоминается "лирная" шуба, тяжелая шуба на "лирном" меху, она висела у входа, дед почти не выходил на улицу. Вилка на дедушку и бабушку. Жалко терять стариков".

Пока конь висел над доской, перед глазами гроссмейстера вновь замелькали светящиеся линии и точки возможных предметовых рейдов и жертв. Увы, круп коня с отставшей грязно-лиловой байкой был так убедителен, что гроссмейстер только пожал плечами.

- Отдаете ладью? – спросил Г.О.

- Что поделаешь.

- Жертвуете ладью ради атаки? Угадал? – спросил Г.О., все еще не решаясь поставить коня на желанное поле.

- Просто спасаю ферзя, – пробормотал гроссмейстер.

- Вы меня не подлавливаете? – спросил Г.О.

- Нет, что вы, вы сильный игрок.

Г.О. сделал свою заветную "вилку". Гроссмейстер спрятал ферзя в укромный угол за террасой, за полуразвалившейся каменной террасой с резными подгнившими столбиками, где осенью остро пахло прелыми кленовыми листьями. Здесь можно отсидеться в удобной позе, на корточках. Здесь хорошо, во всяком случае, самолюбие не страдает. На секунду привстав и выглянув из-за террасы, он увидел, что Г.О. снял ладью. Внедрение черного коня в бессмысленную толпу на левом фланге, занятие им поля, занятие им поля "b4", во всяком случае, уже наводило на размышления.

Гроссмейстер понял, что в этом варианте, в этот весенний зеленый вечер одних только юношеских мифов ему не хватит. Все это верно, в мире бродят славные дурачки – юнги Билли, ковбои Гарри, красавицы Мери и Нелли, и бригаantina поднимает паруса, но наступает момент, когда вы чувствуете опасную и реальную близость черного коня на поле "b4". Предстояла борьба, сложная, тонкая, увлекательная, расчетливая. Впереди была жизнь.

Гроссмейстер выиграл пешку, достал платок и высморкался. Несколько мгновений в полном одиночестве, когда губы и нос скрыты платком, настроили его на банально-философический лад. "Вот так добиваешься чего-нибудь, – думал он, – а что дальше? Всю жизнь добиваешься чего-нибудь; приходит к тебе победа, а радости от нее нет. Вот, например, город Гонконг, далекий и весьма загадочный, а я в нем уже был. Я везде уже был."

"На его месте Петросян бы уже сдался," – подумал гроссмейстер. Потеря пешки мало огорчила Г.О.: ведь он только что выиграл ладью. Он ответил гроссмейстеру ходом ферзя, вызвавшим изжогу и минутный приступ головной боли. Гроссмейстер сообразил, что кое-какие радости еще остались у него в запасе. Например, радость длинных, по всей диагонали, ходов слона. Если чуть волочить слона по доске, то это в какой-то мере заменит стремительное скольжение на ялике по солнечной, чуть-чуть зацветшей воде подмосковного пруда, из света в тень, из тени в свет. Гроссмейстер почувствовал непреодолимое страстное желание захватить поле "h8", ибо оно было полем любви, бугорком любви, над которым висели прозрачные стрекозы.

- Ловко вы у меня отыграли ладью, а я прохлопал, – пробасил Г.О., лишь последним словом выдав свое раздражение.

- Простите, – тихо сказал гроссмейстер. – Может быть, вернете ходы?

- Нет-нет, – сказал Г.О., – никаких поблажек, очень вас умоляю. – "Дам кинжал, дам коня, дам винтовку свою..." – затянул он, погружаясь в стратегические размышления.

Бурный летний праздник любви на поле "h8" радовал и вместе с тем тревожил гроссмейстера. Он чувствовал, что вскоре в центре произойдет накопление внешне логичных, но внутренне абсурдных сил. Опять послышится какофония и запахнет хлоркой, как в тех далеких проклятой памяти коридорах на левом фланге.

- Вот интересно: почему все шахматисты – евреи? – спросил Г.О.

- Почему же все? – сказал гроссмейстер. – Вот я, например, не еврей.

- Правда? – удивился Г.О. и добавил: – Да вы не думайте, что я это так. У меня никаких предрассудков на этот счет нет. Просто любопытно.

- Ну, вот вы, например, – сказал гроссмейстер, – ведь вы не еврей.

- Где уж мне! – пробормотал Г.О. и снова погрузился в свои секретные планы.

"Если я его так, то он меня так, – думал Г.О. – Если я сниму здесь, он снимет там, потом я хожу сюда, он отвечает так... Все равно я его добыю, все равно доломаю. Подумаешь, гроссмейстер-блатмейстер, жила еще у тебя тонкая против меня. Знаю я ваши чемпионаты: договариваетесь заранее. Все равно я тебя задавлю, хоть кровь из носа!"

- Да-а, качество я потерял, – сказал он гроссмейстеру, – но ничего, еще не вечер.

Он начал атаку в центре, и, конечно, как и предполагалось, центр сразу превратился в поле бессмысленных и ужасных действий. Это была не любовь, не встреча, не надежда, не привет, не жизнь. Гриппозный озноб и опять желтый снег, послевоенный неуют, все тело чешется. Черный ферзь в центре каркал, как

влюбленная ворона, воронья любовь, кроме того, у соседей скребли ножом оловянную миску. Ничто так определенно не доказывало бессмысленность и призрачность жизни, как эта позиция в центре. Пора кончать игру.

"Нет, – подумал гроссмейстер, – ведь есть еще кое-что, кроме этого." Он поставил большую бобину с фортепьянными пьесами Баха, успокоил сердце чистыми и однообразными, как плеск волн, звуками, потом вышел из дачи и пошел к морю. Над ним шумели сосны, а под босыми ногами был скользкий и пружинящий хвойный наст. Вспоминая море и подражая ему, он начал разбираться в позиции, гармонизировать ее. На душе вдруг стало чисто и светло. Логично, как баховская сода, наступил мат черным. Матовая ситуация тускло и красиво засветилась,вершенная, как яйцо. Гроссмейстер посмотрел на Г.О. Тот молчал, набычившись, глядя в самые глубокие тылы гроссмейстера. Мата своему королю он не заметил. Гроссмейстер молчал, боясь нарушить очарование этой минуты.

- Шах, – тихо и осторожно сказал Г.О., двигая своего коня. Он еле сдерживал внутренний рев.

...Гроссмейстер вскрикнул и бросился бежать. За ним, топоча и свистя, побежали хозяин дачи, кучер Еврипид и Нина Кузьминична. Обгоняя их, настигала гроссмейстера спущенная с цепи собака Ночка.

- Шах, – еще раз сказал Г.О., переставляя своего коня, и с мучительным вождением глотнул воздух.

...Гроссмейстера вели по проходу среди затихшей толпы. Идущий сзади чуть касался его спины каким-то твердым предметом. Человек в черной шинели с эсэсовскими молниями на петлицах ждал его впереди. Шаг – полсекунды, еще шаг – секунда, еще шаг – полторы, еще шаг – две... Ступеньки вверх. Почему вверх? Такие вещи следует делать в яме. Нужно быть мужественным. Это обязательно? Сколько времени занимает надевание на голову вонючего мешка из рогожи? Итак, стало совсем темно и трудно дышать, и только где-то очень далеко оркестр бравурно играл "Хас-Булат удалой".

- Мат! – как медная труба, вскрикнул Г.О.

- Ну вот видите, – пробормотал гроссмейстер, – поздравляю!

- Уф, – сказал Г.О., – оф, ух, прямо запарился, прямо невероятно, надо же, черт возьми! Невероятно, залепил мат гроссмейстеру! Невероятно, но факт! – захохотал он. – Ай да я! – Он шутливо погладил себя по голове. – Эх, гроссмейстер вы мой, гроссмейстер, – зажужжал он, положил ладони на плечи гроссмейстера и дружески нажал, – милый вы мой молодой человек... Нервишки не выдержали, да? Сознаться?

- Да-да, я сорвался, – торопливо подтвердил гроссмейстер.

Г. О. широким свободным жестом смел фигуры с доски. Доска была старая, щербленая, кое-где поверхностный полированный слой отодрался, обнажена была желтая, измученная древесина, кое-где имелись фрагменты круглых пятен от поставленных в былые времена стаканов железнодорожного чая. Гроссмейстер смотрел на пустую доску, на шестьдесят четыре абсолютно бесстрастных поля, способных вместить не только его собственную жизнь, но бесконечное число жизней, и это бесконечное чередование светлых и темных полей наполнило его благоговением и тихой радостью. "Кажется, – подумал он, – никаких крупных подлостей в своей жизни я не совершал."

- А ведь так вот расскажешь, и никто не поверит, – огорченно вздохнул Г.О.

- Почему же не поверят? Что же в этом невероятного? Вы сильный, волевой игрок, – сказал гроссмейстер.

- Никто не поверит, – повторил Г.О., – скажут, что брешу. Какие у меня доказательства?

- Позвольте, – чуть обиделся гроссмейстер, глядя на розовый крутой лоб Г.О., – я дам вам убедительное доказательство. Я знал, что я вас встречу.

Он открыл свой портфель и вынул оттуда крупный, с ладонь величиной золотой жетон, на котором было красиво выгравировано: "Податель сего выиграл у меня партию в шахматы. Гроссмейстер такой-то."

- Остается только проставить число, – сказал он, извлек из портфеля гравировальные принадлежности и красиво выгравировал число в углу жетона.

- Это чистое золото, – сказал он, вручая жетон.

- Без обмана? – спросил Г.О.

- Абсолютно чистое золото, – сказал гроссмейстер. – Я заказал уже много таких жетонов и постоянно буду пополнять запасы.

1965

ЗАДАНИЕ 2 (творческое).

Максимальное количество баллов – 40.

Представьте, что Вы – художник-иллюстратор, и Вам поступает предложение создать комикс или графический роман по уже существующему, но не прозаическому, а поэтическому тексту. Какой поэтический текст в качестве основы для своего комикса/графического романа Вы выберете и почему? Какие существенные моменты должны быть отражены в визуальной и вербальной составляющих, какие художественные решения Вы предложите?